

Е.Н. ВОЛОСОВ

### ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ СОЮЗНЫХ МИНИСТРОВ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВЕТСКОЙ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

В центральных и местных архивах хранятся личные фонды хозяйственных руководителей столичного и регионального уровня. Материалы, в них содержащиеся, позволяют глубже и шире описать жизнь этих людей. Особую ценность представляют сведения, редко встречающиеся в официальных документах, средствах массовой информации, и касающиеся образа жизни, привычек, поведенческих стереотипов, нюансов повседневной жизни и управления.

Для работы над статьей были использованы личные фонды министров нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР В.С. Федорова и цветной металлургии СССР П.Ф. Ломако, хранящиеся в Российском государственном архиве экономике.

В научной и, особенно, публицистической литературе, средствах массовой информации длительное время формировалось представление о министрах, как о не очень далеких чиновниках и бюрократах, добившихся высоких постов за счет приспособленчества, беспринципности, мимикрии, чинопочитания и угодничества (Андреев С.Ю. *Наше прошлое, настоящее, будущее: структура власти и задачи общества // Постижение. М.: Прогресс, 1989. С. 481–588*). За счет этих качеств можно продержаться какое-то время на вершине министерской иерархии, но в итоге, отсутствие управленческой и технической компетентности, жесточайшие требования, предъявляемые политической властью к системообразующим отраслям, быстро расставляли все «точки над и...». Во власти оставались министры, способные ответить на политические и технологические вызовы. Биографии наших героев показывают, что В.С. Федоров и П.Ф. Ломако были из их числа.

Личные фонды упомянутых министров в содержательном плане существенно разнятся. Особую ценность фонда министра нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР В.С. Федорова представляют его рабочие записные книжки, которые он вел с 1931 по 1986 гг. (РГАЭ. Ф. 737. Оп. 1. Д. 34. Л. 177, 184). В первых записях перед нами открывается портрет очень старательного, скрупулезного студента нефтяного института в Грозном, почти каллиграфическим почерком, выписывающего особенности работы нефтеперегонных установок,

рисующего схемы технологических процессов, оборудования (РГАЭ. Ф. 737. Оп. 1. Д. 177. Л. 1–20). Другая рабочая книжка посвящена изучению английского языка (Там же. Л. 21–43). Хорошо видно, что учеба шла не для проформы. Словарь выглядит по-настоящему рабочим, пополнение новыми словами идет ручками с разным цветом чернил, где-то карандашом. Следовательно, словарь заполнялся не одномоментно, а на протяжении определенного времени. К каждому переведенному слову прилагалась транскрипция. Из содержания словаря видно, что учил будущий министр не только обычный разговорный английский, но и профессиональный. Вполне закономерно, что многие кадровые пустоты, образовавшиеся в 1937–1938 гг., заполняли молодые, энергичные специалисты, жадно стремившиеся к знаниям. И совсем не случайно В.С. Федоров в 25 лет становится заведующим кафедрой химии и технологии нефти Грозненского нефтяного института, а через год в 26 лет — директором Грозненского нефтяного научно-исследовательского института. В 33 года В.С. Федоров — начальник крупнейшего в стране объединения по переработке нефти — «Грознефтезаводы».

Критичный читатель сухой биографической справки может выдать заключение: «карьерист». Однако рабочие книжки нашего героя показывают, прежде всего, его пылкий инженерный ум. В первой половине 1950-х гг. В.С. Федоров уже в ранге заместителя министра нефтяной промышленности неоднократно бывал в ГДР, где изучал особенности эксплуатации нефтеперерабатывающих заводов. В записях В.С. Федорова вновь подробное описание технологических процессов, детальные чертежи установок, аналогичных оборудованию, устанавливаемому на строящемся Ангарском нефтехимическом комбинате. Именно здесь монтировалось репарационное немецкое оборудование для производства моторного топлива на основе углесинтеза. В 1952 г. начальником этого комбината в ранге заместителя министра нефтяной промышленности был назначен В.С. Федоров.

Значительная часть записей приходится на то время, когда наш герой работал министром нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР. Министр по-прежнему требователен к себе и окружающим. Пытается быть точным и корректным даже в мелочах. Например, в документах встречается множество фамилий местных хозяйственных руководителей. Самые сложные имена министр выписывает наиболее тщательно: «Мустафиев Имам Дашидамирович, Рагимов Сазык Гаджиевич и т.д.» (РГАЭ. Ф. 737. Оп. 1. Д. 177. Л. 197).

Однако годы брали свое, видно как со временем меняется почерк, все более тезисными становятся записи, чертежей уже нет, но схемы изредка встречаются. Значительно уменьшается число встреч с партийными и хозяйственными руководителями. С 1984 г. значительную часть содержания записных книжек составляют напоминальные ярлычки с ма-

шинописным текстом, старательно вклеиваемые помощником министра (РГАЭ. Ф. 737. Оп. 1. Д. 184. Л. 238–327).

С поста министра В.С. Федоров ушел в октябре 1985 г., отработав в этой должности с небольшими перерывами 27 лет.

Иной характер носит личный фонд П.Ф. Ломако, с 1940 г. занимавшего пост наркома, а с 1946 г. министра цветной металлургии СССР с небольшими перерывами до 1986 г. (РГАЭ. Ф. 739. Оп. 1. Д. 60. Л. 116, 159, 176). В фонде отложились программы многочисленных командировок министра по территориям, где располагались подведомственные предприятия. Из достаточно сжатой информации можно почерпнуть сведения, которых не встретишь ни в одном другом источнике. К примеру, программа пребывания министра в Красноярском крае в июле 1977 г. (Там же. Л. 1–54). В это время П.Ф. Ломако уже 73 года! С 1 по 10 июля он побывал на всех крупных предприятиях и строящихся объектах края, относящихся к своей отрасли: Норильском промышленном районе с рудниками, обоганительными фабриками, Надеждинском металлургическом заводе, Ачинском глиноземном комбинате, Красноярском алюминиевом заводе и заводе цветных металлов. Параллельно со знакомством предприятий, были осмотрены и объекты соцкультбыта, строительство которых велось по титулу Министерства. В Красноярске и Норильске под эгидой крайкома КПСС и Норильского горкома КПСС, при активном участии П.Ф. Ломако были проведены партийно-хозяйственные активы. Рабочий день министра, судя по записям, начинался в 9 утра и заканчивался после 19.00. Только на десятый день командировки Петр Фаддеевич позволил себе несколько расслабиться и провести время с 15.00 до 20.00 на Красноярском море (Там же. Л. 6).

Определенный интерес представляют и другие сюжеты, касающиеся визита министра. Просматривая материалы поездки П.Ф. Ломако в Красноярский край, понимаешь, почему местные партийные и хозяйственные руководители настойчиво стремились заполучить высокопоставленных гостей. На семи страницах протоколов к программе посещения края представлен перечень вопросов, поставленных предприятиями и организациями. Таблица формализована и состоит из нескольких столбиков: краткое изложение просьбы, поручение министра, состояние исполнения. Любопытно, с какими просьбами обращались местные власти? Красноярский крайком КПСС был озабочен плохой экологией жилых массивов, расположенных рядом с Красноярским алюминиевым заводом и потому ставил вопрос о переносе ряда околзаводских поселков и расширении лесозащитной зоны. Ачинский глиноземный комбинат и Красноярский завод цветных металлов ходатайствовали о выделении дополнительных легковых автомобилей для служебных целей. Первый секретарь Норильского горкома КПСС Б.М. Благих и генеральный директор Норильского комбината Б.И. Колесников просили «в связи с пе-

регруженностью Дворца культуры комбината и концертного зала музыкальной школы профинансировать строительство конференц-зала для проведения активов комбината, общегородских совещаний и собраний на сумму 2,4–2,7 млн р. при долевом участии Красноярского крайкома КПСС в сумме 300–500 тыс. р.».

На значительной части просьб, выполнение которых не требовало долговременных инвестиций и тщательной, кропотливой работы, стоят положительные визы П.Ф. Ломако: «не возражаю», «решить вопрос», «разрешить». Скорее всего, у министра для таких поездок существовал резервный фонд, включавший финансовые и материально-технические ресурсы и используемый в целях формирования позитивного имиджа. Возможно, причина «особого» отношения П.Ф. Ломако к Красноярскому краю заключалась в том, что с 1957 по 1961 гг. он руководил крайвым совнархозом и этот период времени оставил у него положительные эмоции. То, что министр равнодушно относился к Сибири и, прежде всего, к Ангаро-Енисейскому региону, подтверждает книга, написанная им в 1980 г., и посвященная развитию алюминиевой промышленности (*Ломако П.Ф. Сибирь — край алюминия. М.: Металлургия, 1980. 120 с.*).

В одном из дел личного фонда П.Ф. Ломако отложились уникальные материалы, приоткрывающие завесу над повседневной жизнью министра. Здесь содержатся квитанции об оплате услуг зубопротезного кабинета, ателье, других организаций бытового обслуживания, счета на оплату квартиры, служебной дачи (*РГАЭ. Ф. 739. Оп. 1. Л. 49–52*). Эти документы, в какой-то степени, развенчивают широко распространенный миф о бесплатности услуг для советской политической элиты, а также показывают образец пунктуальности и требовательности к себе человека, находящегося на высших ступенях народнохозяйственного управления в СССР.

**Б.Ц. ЖАЛСАНОВА**

## **ЗНАЧЕНИЕ ДОКУМЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ В ПРОВЕДЕНИИ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

В последние годы становится особенно актуальным обращение к генеалогии, неуклонно возрастает число людей, обращающихся в архив с генеалогическим запросом. Это вызвано, на наш взгляд, несколькими причинами, прежде всего, растущим интересом многих людей к своей истории, желанием установить историю своего рода, своей семьи. Определенная часть генеалогических запросов связана с необходимостью установления национальности, которая предполагает различного рода материальные льготы, выезд за границу и т.д. Некоторых волнует генеалогия с точки зрения выяснения вопросов о недвижимо-